

Вижу цель – какие препятствия?!

Россия снова выходит на сцену мировой политики, однако без стратегического видения будущего

Времена, когда Россия оказалась сброшенной со счетов как важный игрок в мировой политике, прошли. При Путине страна снова обрела классические повадки великой державы. Конфронтация с ослабевшим Западом принесла определенный успех, но возникает вопрос, насколько он будет прочным.

На втором году президентства Трампа многие с ностальгией вспоминают о президенте Обаме. Впрочем, его внешнеполитическое наследие в ретроспективе производит в лучшем случае двойственное впечатление. Ослабление роли США как глобальной силы, обеспечивающей мировой порядок, начатое при Обаме и продолжающееся при Трампе, открыло России возможность возврата в качестве полноценного игрока на арену мировых событий, о которой мечтали многие россияне после падения Советского Союза. 2018 год стал точкой окончательного оформления России в качестве глобального игрока мировой политики.

Победа в Сирии уже провозглашена, расширение ЕС/НАТО в направлении восточных стран-соседей остановлено. Россия в отличие от Европы и США демонстрирует новое осознание своей роли, о чем свидетельствует ее вмешательство в демократические выборы. Кроме того, Россия обосновалась в Латинской Америке, Африке, Восточной Азии, а также странах Ближнего и Среднего Востока. А в Ливии, Афганистане и на Западных Балканах она ведет политику, которая непосредственно конкурирует с целями и интересами Запада. Тем самым внешнеполитическая повестка дня России в 2018 году обрела невиданный после окончания холодной войны по своей широте географический масштаб.

Во всех этих регионах Россия придерживается классической манеры великой державы: в арсенале ее средств в равной степени используются военное вмешательство и дипломатические инициативы в ООН, экономическое давление и кредиты. В эпоху цифровых технологий к ним добавились дезинформация в СМИ и

хакерские атаки в Интернете. Средства эти уже испробованы и применяются всегда в местах, которые, согласно новому определению своей роли, стали сферой глобальных интересов России.

*Долгожданное
возвращение на мировую
политическую арену
окажется более
сложным, чем ожидает
Москва*

Экспансивная по своему характеру повестка дня России отныне перестала быть краткосрочной операцией или отвлекающим маневром, а стала геополитической реальностью. Избитый аргумент, согласно которому российский президент занимается внешнеполитическим авантюризмом с целью консолидации своей власти внутри страны, изжил себя. Он, возможно, был еще уместным в начале конфликта в Украине, когда уровень популярности Путина достиг сказочной отметки в 80 процентов. В его переизбрании на президентских выборах в марте 2018 года почти никто не сомневается. Оппонентов, с которыми нужно было бы всерьез считаться, не видно. Остается выяснить лишь вопрос о наследнике. Но и здесь действует принцип Цицерона в свободном изложении: никто не чувствует себя настолько старым, чтобы не считать себя в состоянии править еще хотя бы год.

Но какое стратегическое видение кроется за этой новой повесткой дня в международной политике? В состоянии ли Россия взять на себя роль глобального игрока и подкрепить эти притязания соответствующими ресурсами?

Официальный дискурс в России о многополярном мировом порядке утаивает то, что постзападный мировой порядок отнюдь не неизбежно принесет выгоду России. Уход от ситуации, когда роль лидера играла Америка, в лучшем случае может привести к регионализации мировых центров влияния, а в худшем – к хаосу и нестабильности. В системе конкурирующих мировых держав Гоббса структурно слабая Россия оказалась бы далеко не с лучшими картами.

За прошедшее десятилетие Россия определилась со своей ролью в мире, главным образом в качестве оппозиции к Западу. И везде, где обнаруживает слабые места, она действует как возмутитель спокойствия. Она также извлекает выгоду из событий на Западе и

изменений его общих ценностей – от свободной торговли до нераспространения ядерного оружия – и соответственно осуществляет свою внешнюю политику, стремясь отколоть Европу от США, создать вместе со странами БРИКС свой «антиклуб» и сделать Евразийский союз базой своей власти и влияния.

Однако на глобальном уровне у России нет ни стратегического видения, ни необходимых ресурсов или партнерских связей, чтобы выстроить и структурировать альтернативную систему.

Стратегические партнерские связи России, например, с Китаем, являются партнерством ради определенных целей, которые по своей глубине несопоставимы с евроатлантическими узами и к тому же не являются отношениями на равных. России не удастся добиться послушания даже в Евразии, провозглашенной Россией своими задворками, в частности, в вопросе санкций против Европы.

*Западу придется
сотрудничать с Россией
везде, где может
обозначиться
совместимость
интересов*

Долгожданное возвращение на арену мировой политики окажется более сложным, чем того ожидала Москва. И все же новые глобальные амбиции России стали феноменом, с которым Западу придется иметь дело в течение длительного времени – в период, когда его собственное внутреннее устройство оказалось под вопросом. Поэтому было бы рискованно требовать политики отката: расстановка и объединение приоритетов – вот лозунги дня. На активные действия России по всему миру Запад должен ответить четко сформулированной политикой там, где это касается его собственных фундаментальных интересов, например, в Украине и на западных Балканах, расположенных в непосредственном соседстве с Европой. Ему придется стремиться к сотрудничеству везде, где может обозначиться совместимость интересов.

При этом необходимым условием остается общая трансатлантическая политика. И напротив, действия в одиночку, в частности, решение США о продаже оборонительного оружия Украине, дают России возможность продолжать усилия, направленные на дальнейший раскол трансатлантического сообщества.

Данная статья является переводом статьи, вышедшей на NZZ, и публикуется с разрешения правообладателя.

Лиана Фикс

Берлин

Лиана Фикс (Liana Fix) - директор программ по международной политике Фонда Кёрбера в Гамбурге. До этого она работала в Министерстве иностранных дел Германии, в Представительстве ЕС в Тбилиси и в Московском Центре Карнеги.

